

Психология общения

© 1997 г. В.А. Лабунская

ПРОБЛЕМА ОБУЧЕНИЯ КОДИРОВАНИЮ – ИНТЕРПРЕТАЦИИ
НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Рассматриваются различные подходы к решению проблемы кодирования – интерпретации невербального поведения с точки зрения задач современной психологической практики, а также возможности его измерения, фиксации в общении.

Анализируются такие явления, как невербальное общение, невербальные коммуникации, невербальное поведение, невербальные интеракции.

Автор развивает мысль о том, что преодоление трудностей, возникающих на пути обучения кодированию невербального поведения, возможно лишь при отношении к нему как к личностно-динамическому образованию.

Предлагается ряд принципов организации обучения кодированию-интерпретации. Данный вид психологической деятельности рассматривается как творческий процесс.

Ключевые слова: невербальное общение, невербальное поведение, невербальные коммуникации, кодирование, интерпретация, невербальные интеракции.

Сегодня наблюдается повышенный интерес к различным аспектам невербального языка, особенно, к тем, которые несут информацию об индивидуально-личностных характеристиках человека. Открываются центры физиогномической диагностики, работают различные тренинговые группы, цель которых обучить "читать человека как книгу". Поток услуг, направленных на быстрое обучение правильному распознаванию невербального поведения учителей, врачей, менеджеров, специалистов таможенных, рекламных служб и многих других профессионалов, продолжает нарастать. Данный факт был бы отрадным, если бы в большинстве предлагаемых программ обучения не упрощались представления о диагностических и коммуникативных возможностях невербальных средств.

Вместе с этим нельзя считать интерес психологов к психологии невербального общения сиюминутным, прагматическим, возникшим лишь в последнее время. Данная область психологии всегда привлекала внимание как теоретиков, так и практиков, а постоянное обращение к ней безусловно служило основанием для лучшего понимания специфики невербального языка и его функций в жизнедеятельности человека.

К сожалению, глубокие теоретические разработки проблем невербального общения, огромное количество экспериментальных исследований, практические рекомендации не всегда доступны широкому кругу практикующих психологов. Поэтому основную массу сведений об особенностях кодирования и интерпретации невербального поведения психолог-практик черпает из учебных пособий "по языку тела". В них, как правило, приводятся описания невербальных кодов состояний, отношений, свойств личности; настраивается же читатель на то, что достаточно заучить приведенные невербальные коды, чтобы их можно было использовать в качестве системы знаков – индикаторов внутреннего мира человека.

До сих пор нерешенными остаются такие привлекающие внимание практиков вопросы, как измерение, фиксация, кодирование невербального поведения и его интерпретации в процессе общения. Поэтому до последнего времени остро дискутируется вопрос: "Могут ли невербальное поведение, невербальные выражения, коммуникации быть использованы для решения задач практической психологии?"

Удовлетворить потребности практической психологии в знаниях о невербальном поведении или, образно говоря, о "языке тела", а правильнее, — о "невербальном языке души", достаточно сложно. Главная причина кроется в том, что остается нерешенной центральная проблема психологии невербального общения — взаимосвязь невербального поведения с психологическими и социально-психологическими характеристиками личности и группы.

Другая причина заключается в том, что многие исследовательские традиции в психологии невербального поведения сложились под сильным влиянием естественно-научного подхода или лингвоцентрических идей анализа невербальных коммуникаций. Длительное развитие психологии невербального поведения в рамках этих подходов привело к возникновению ситуации, для которой характерным является все большее противопоставление двух позиций: а) гиперболизация жесткости связей между невербальным поведением и психологическими характеристиками личности; б) отчуждение "языка тела" от личности и превращение его в "текст", систему знаков, в некий культурный символ. Углубляющийся разрыв между данными позициями в исследовании невербального поведения заставляет вновь ставить вопрос о самой природе невербального поведения и его связи с психическим развитием личности, возвращаться к проблеме его измерения, фиксации, кодирования.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы привлечь внимание к этим проблемам психологии невербального общения. В настоящее время в психологии невербального общения выделяются в отдельные предметные области изучения: индивидуальное невербальное поведение и невербальное поведение диады, группы лиц, которое фиксируется как совокупность невербальных интеракций. Исследователи, работающие в этих двух областях психологии невербального общения, стремятся определить, насколько связано невербальное поведение со структурой личности и динамическими процессами в группе, насколько оно устойчиво-изменчиво и т.д.

История рассмотрения данных вопросов свидетельствует о том, что для их решения необходимо определиться, прежде всего, в том, является ли невербальное поведение системой знаков (кодом) в традиционной интерпретации этого понятия. Получено множество противоречивых ответов на поставленный вопрос, изучаемый в рамках двух направлений психологии невербального общения. Первое из них делает акцент на исследовании закономерностей кодирования информации у тех, кто пытается ее передать. Представители второго направления обращают внимание на особенности кодирования наблюдателем, экспертом получаемой информации. Понятно, что практическому психологу важно знать сведения о различных сторонах кодирования невербального поведения, так как он оказывается в ситуации, когда надо проявить два рода способностей: так называемую экспрессивную одаренность, передать с помощью невербального кода важную для практической деятельности информацию, и способность, базирующуюся на социально-психологической наблюдательности, социальном интеллекте и обеспечивающую кодирование и интерпретацию полученной информации для ее дальнейшего использования в диагностических, психокоррекционных целях.

Результат работ, выполненных такими исследователями, как П. Экман [39], Р. Шерер [40], М. Аргайл [32], Р. Бердвистл [34], П. Булл [36] и др. [43, 44], повлияли на формирование различных взглядов на процессы кодирования — интерпретации как невербальных коммуникаций, так и невербального поведения. Один взгляд базируется на том, что многие элементы, характеристики невербального поведения не имеют адекватной им системы записей, поэтому оно остается неуловимым, вероятностным для решения задач фиксации [37, 41]. Трудности, появляющиеся на пути разработки способов фиксации и кодирования невербального поведения, послужили основанием

для выражения сомнения относительно "практичности" психологии невербального общения, а иногда и более суровой оценки ее, как отрасли, не имеющей будущего [42]. Крайняя позиция относительно возможностей фиксации и кодирования невербальных коммуникаций представлена в отечественной психологии в работах Е.И. Фейгенберг и А.Г. Асмолова [28, 29]. Они считают, что невербальная коммуникация является преимущественно выражением смысловой сферы личности и представляет собой непосредственный канал передачи личностных смыслов. Исходя из этого тезиса, объясняется безуспешность многочисленных попыток создания кода словаря, дискретного алфавита языка невербальной коммуникации, невозможность воплощения симультанных динамических смысловых систем личности в дискретных равнодушных значениях, а поиски дискретных формализованных словарей жестов, телодвижений обречены на неудачу [29, с. 76].

История психологии невербального общения не дает оснований для такой категоричности вывода о возможностях кодирования и декодирования невербальных коммуникаций. Скорее данный вывод имеет отношение к определенным аспектам невербального поведения личности. Да и сами авторы вышеприведенной работы, ставя вопрос о том, какое содержание передается через невербальные коммуникации, исходя из тезиса о связи личности и познотонических движений [29, с. 76].

Развивая ряд идей психологии невербального общения, авторы пытаются подкрепить главный вывод своей работы рядом положений из исследования Л.И. Анцыферовой [5], в котором, на наш взгляд, развивается иной подход к невербальному общению человека. Анцыферова обращает внимание на тот факт, что активность проявляется в установках всего тела человека, например, в позах внимания, ожидания, тревоги, раздумья и т.д. Она пишет: "В специфике поз, в динамике их смены отчетливо проявляются психодинамические характеристики и личностные свойства человека", делая акцент на том, что психотоническая активность человека отчетливо "выражает эмоционально-аффективное отношение личности к событиям" [5, с. 155]. Анцыферова приводит в качестве примера два невербальных паттерна, кода эмоционально-эффективного отношения личности. Первый из них характерен для человека, испытывающего напряжение в социальных ситуациях, а второй включает движения человека, относящегося с доверием к социальному миру. Центральным комплексом движений, входящих в первый паттерн, являются: охватывание себя руками, прижатие их к телу, "утаивание" частей тела (убрать руки за спину, прикрыть часть лица, спрятать под стол ноги и т.д.), а специфическими движениями, образующими второй паттерн, являющиеся движения, направленные к партнеру, в частности "спокойное положение тела, чуть откинутая в сторону рука с полуоткрытой ладонью..." [5, с. 155].

Отношение к кодированию невербальных коммуникаций как к "безнадежному занятию" появляется не только тогда, когда гиперболизируются одни характеристики и недооцениваются другие, но и тогда, когда термином "невербальные коммуникации" обозначается весь спектр явлений, относящихся к невербальному языку.

Практика кодирования предполагает дифференцированное отношение к таким явлениям, как невербальное общение, невербальные коммуникации, невербальное поведение. Анализ имеющейся литературы, а также наши исследования позволяют заключить, что *невербальное общение – это такой вид общения, для которого является характерным использование невербального поведения и невербальных коммуникаций в качестве главного средства передачи информации, организации взаимодействия, формирования образа и понятия о партнере, осуществления влияния на другого человека.* Из этого определения следует: невербальные средства не только полифункциональны, но и включают явления различной природы, интегрированности, сложности. Из данного определения также следует то, что невербальные средства являются предметом рассмотрения в различных направлениях психологии общения: как коммуникативный феномен, предмет социальной перцепции, вид взаимодействия. В каждом из этих направлений проблема кодирования – интерпретации вместе с оригинальностью звучания приобретает решение, ограниченное рамками задач этих

дисциплин. Поэтому первое, что необходимо сделать практикующему психологу – определить феномены: невербальной коммуникации, невербального поведения, невербальной интеракции.

Понятие "невербальное общение" является более широким, чем "невербальные коммуникации". Многие авторы обращают внимание на то, что невербальные коммуникации – это система символов, знаков, жестов, использующихся для передачи сообщения с большой степенью точности, которые в той или иной степени отчуждены и независимы от психологических и социально-психологических качеств личности. Они имеют достаточно четкий круг значений и могут быть описаны как лингвистические знаковые системы [2, 13, 16, 30]. Проблеме кодирования – декодирования невербальных коммуникаций посвящено достаточно большое количество работ, которые убеждают в том, что конвенциональные, интенциональные, произвольные жесты, телодвижения, позы, выражения лица успешно кодируются и декодируются.

Понятие "невербальное поведение" более широкое, чем невербальные коммуникации, но более узкое, чем невербальное общение.

Современные социолингвистические [20] и этнопсихологические исследования [9, 26], работы, выполненные в области психологии эмоций [14, 27, 38, 48], а также многочисленные данные о влиянии среды на невербальное поведение человека [32, 33, 36] подтверждают факт существования устойчивых форм поведения (алгоритмов "паттернов") у людей одной эпохи, одного круга, одного уровня культуры. В них представлены сочетания индивидуальных личностных форм поведения с групповыми, социокультурными. "Телесная непрерывность, – пишет Л.И. Анцыферова, – входит в психологическую организацию индивида, сама выступает как один из способов (как и деятельность) существования психического" [5, с. 155].

Невербальное поведение является составной частью целостного поведения личности. Как и все поведение, оно – культурно-исторический, интерперсональный феномен. Ядро невербального поведения составляют самые разнообразные движения (жесты, экспрессия лица, взгляд, позы, интонационно-ритмические характеристики голоса, прикосновения), которые сопряжены с изменяющимися психическими состояниями человека, его отношениями к партнеру, с ситуацией взаимодействия и общения. Совокупность движений, образующих структуру невербального поведения, представляет из себя целостность, трудно разложимую на отдельные единицы, где преобладают произвольные движения над произвольными, неосознаваемые над осознаваемыми, неинтенциональные над интенциональными, неконвенциональными над конвенциональными. Поэтому невербальное поведение "верно передает душу во всем ее бессознательном и сознательном составе... – передает... гораздо больше, чем могут выразить словами люди" [15, с. 131].

Невербальному поведению свойственно также и то, что оно частично представлено самому субъекту общения. Он не видит напряжения своих мышц, пластики своих поз, экспрессии своего лица [7]. Партнер по взаимодействию, напротив, может наблюдать за его невербальным поведением с помощью оптической, тактильно-кинестетической, акустической, ольфакторной систем отражения и формировать психологически многозначный образ о нем. Постоянная представленность невербального поведения другому ("осознаваемое данное") привела к развитию функций маскировки действительных переживаний и отношений. С целью маскировки своего "Я" человек использует различные "невербальные маски". Но как бы успешно он их не применял – действительные переживания непременно заявят о себе в неконтролируемых комплексах движений, в используемых "невербальных штампах", "невербальных привычках".

Невербальное поведение индивидуально и неповторимо настолько, насколько индивидуальна и неповторима сама личность. Оно – инструмент познания внутреннего мира человека, потому что и есть часть этого мира, форма его существования. Как писал С. Волконский: «выразительное поведение – это выявление внутреннего "я" путем внешнего "я"... Это есть самоизъявление, притом вечно изменяющееся» [11. С. 16].

Невербальное поведение в отличие от невербальных коммуникаций более сложное

явление и именно в связи с ним обсуждается проблема кодирования – интерпретации. Ее экспериментальное и практическое решение затруднено особенностями самого феномена "невербального поведения": его многокомпонентностью, разноуровневостью взаимосвязей между ними, огромным разнообразием процессов, посредством которых оно формируется.

Природа невербального поведения и его основные характеристики дают возможность сформировать другую точку зрения относительно условий его кодирования и интерпретации. Она состоит в дифференцированном подходе к различным компонентам невербального поведения как знакам-индикаторам психологических и социально-психологических характеристик личности и группы, учете ряда контекстуальных переменных. Она позволяет говорить об устойчивости-изменчивости, психологической однозначности невербального кода, исходя из того, какие психологические образования он представляет. Результаты работ [10, 14, 32, 35, 36, 39, 47], выполненных в разное время с помощью различных технических средств, отличающихся процедурой эксперимента, задачами и данными, говорят в пользу того факта, что существуют программы, паттерны невербального поведения, соответствующие определенным психологическим и социально-психологическим характеристикам человека, ситуации общения, и в этом плане они могут быть представлены как коды. В данных работах также подчеркивается, что "невербальные коды" не отличаются свойствами устойчивости и типичности; это является главными характеристиками кода как вида знака.

Исследователи [11, 31–33, 40, 45], считающие, что невербальное поведение поддается кодированию, применяют разнообразные методические приемы, в основе которых лежит процедура наблюдения, дополненная различными способами фиксации: вербального описания движений, пиктограмм, рисунка, фото-кино-видеозаписи. В результате многолетней работы были созданы вербальные, графические, цифровые коды различных компонентов невербального поведения и соответствующие им способы кодирования. Из данных экспериментальной психологии невербального общения, приведенных в обобщающих работах [17, 31, 33, 34, 36, 40, 42, 44], следует: различные отношения личности, ее эмоционально-аффективные реакции, состояния, некоторые личностные образования имеют достаточно четкий невербальный код и поэтому успешно интерпретируются субъектами общения. Наряду с этим в данных работах подчеркивается, что любая запись, любой рисунок, фотоэталон – это статика, а невербальное поведение динамично: в "коде" любого типа опускаются нюансы, следовательно, он дает весьма обобщенную, типичную информацию.

К этим замечаниям следует добавить: основным критерием, который используется исследователями с целью определения повторяющихся невербальных движений, выступает частота их появления в различных контекстах общения и интенсивность [46]. На основе данных параметров, как пишет П. Булл [36], установлено, что тревожные люди больше двигают руками, у них короче и быстрее взгляд, улыбка появляется реже, чем у спокойных и уверенных. Человек, находящийся в состоянии депрессии, низко опускает голову, избегает контакта глаз.

Экстраверты и интроверты различаются частотой и интенсивностью невербальных движений: первые склонны более пристально смотреть на партнера, больше смеются и т.п. Женщины чаще, чем мужчины смотрят на своего партнера, улыбаются. Все эти сведения получены в процессе сравнения невербального поведения различных групп людей, созданных экспериментатором на основе того или другого критерия. В силу данного факта их индикативная ценность очевидна тогда, когда практикующий психолог имеет возможность долгое время наблюдать невербальное поведение конкретного человека или группы лиц, может сравнивать его с поведением других людей или групп. В противном случае, некоторые характеристики невербального поведения он не сможет закодировать как устойчиво повторяющиеся, ибо их смысл становится понятным только в сравнении с другим человеком (экстраверт – интроверт, спокойный – тревожный). Но даже если возможно длительное наблюдение за поведением человека, его сравнение, то практикующего психолога не могут в полной мере устраивать такие

критерии и показатели невербального поведения, как "больше-меньше", "чаще-реже", "интенсивнее" и т.д. Для того, чтобы они были использованы в практической работе, необходимо иметь некую точку отсчета для оценки невербальных движений как устойчиво повторяющихся, и описать какие-то усредненные показатели. Именно такого рода описания встречаются в учебных пособиях по "языку тела". Однако как только практикующий психолог начинает ими пользоваться, он деперсонифицирует своего клиента.

И, наконец, при всей значимости вышеуказанного цикла работ для практической психологии их результаты не могут быть применены каждым практикующим психологом, так как правильное использование процедур кодирования напрямую зависит от степени его обученности, уровня развития умений выделять необходимые признаки, устанавливать связи между ними и переводить их в иную систему записи, чаще всего неадекватную природе невербального поведения и его основным характеристикам.

Одной из важных попыток совместить в процессах кодирования – интерпретации невербального поведения его природу и особенности психологии социального познания, учесть личностный потенциал субъекта кодирования – интерпретации, является работа П. Булл [36], в которой ставится задача определить влияние естественных коммуникативных ситуаций на выполнение невербальным поведением его индикативных функций. В рамках данного подхода главными факторами превращения невербального поведения в объект кодирования – интерпретации, являются коммуникативная задача, ее значимость для партнеров и, соответственно, коммуникативная установка или доминанта на невербальное поведение партнера. Нетрудно заметить, что при таком рассмотрении проблемы "кода" внимание исследователей переключается с анализа единиц фиксации и способов их кодирования на определение роли ситуативных, субъективных факторов в актуализации процессов кодирования. Несмотря на этот акцент, уводящий в сторону от традиционного решения проблемы "кода", для практической психологии является важным указанием на роль направленности (установки) личности на активное кодирование и интерпретацию невербального поведения.

Попытки создать невербальные коды взаимодействия двух и больше людей также не увенчались полным успехом. На пути разработки кодов невербальных взаимодействий кроме тех проблем, которые названы выше, возникли новые, обусловленные особенностями кодируемой информации [31, 34, 43, 46]. В реальном акте общения невербальное поведение партнеров представляет различные уровни соответствия, гармоничности, целостности: от полного дублирования невербального поведения друг друга до полного их рассогласования, приводящего к разрушению самого феномена "невербальная интеракция". Существующие методы ("кадр за кадром", структурно-лингвистические, описания – рисунки) неизбежно приводят к превращению целостного, объемного, подвижного, развернутого во времени невербального взаимодействия в плоское, фрагментарное, застывшее явление. Кроме этого, исследователи паттернов невербальной интеракции сталкиваются с трудностями при определении "границ" кода и его соответствия этапам общения; им не удается выработать простые способы фиксации интенсивности невербального поведения, отследить микродвижения, которые оказывают влияние на взаимодействие, но не могут быть обнаружены без специальных средств наблюдения. Отсутствие последних не позволяет осуществить запись невербальной информации, поступающей по различным каналам связи.

Таким образом, несмотря на наличие достаточного количества описаний различных видов невербального взаимодействия, в них зафиксирована совокупность компонентов невербальной интеракции, которая имеет широкое поле психологических значений. Наряду с этим фактом психолог-практик столкнется также с тем, что имеющиеся записи единиц движений или их совокупностей составлены на основе изучения отдельных компонентов невербального поведения (кинесики, такесики, проксемики) или их подструктур; это требует умения совмещать различные коды с целью создания целостного представления. Более того, на пути практической деятельности возникнет преграда, которая до сих пор не преодолена психологией невербального общения: с

помощью разработанных систем записей психолог-практик может фиксировать отсутствие или присутствие того или иного комплекса движений, но не сможет зарегистрировать их качество (например, фальшивая, жалкая, счастливая улыбка). Поэтому большинство разработанных кодов не только не соответствует в полной мере наблюдаемому невербальному поведению, но и тому образу, который возникает у субъекта познания, тому, что он фиксирует как осознанно, так и неосознанно.

Из проведенного анализа выполненных работ [17, 19] следует, что при всем многообразии подходов к поиску факторов, опосредующих процессы кодирования – интерпретации невербального поведения, сложился ряд ограничений, затрудняющих разработку процедуры обучения как кодированию, так и интерпретации. **Первое** из них может быть обозначено как *"индивидуалистическая редукция"*: в качестве стимульного материала в исследованиях используются, главным образом, отдельные элементы невербального поведения и практически не применяется невербальная интеракция, что не позволяет сделать выводы о том, как же будет развиваться процесс интерпретации, если в качестве объекта восприятия выступит группа лиц.

Во-вторых, имеет место редукция, определяемая исследователями [28, 40] как *"лингвоцентризм"*, смысл которого в придании невербальному поведению статуса лингвистической системы, соответствующей вербальному языку. При таком подходе проблема обучения интерпретаций невербального поведения сводится к вопросу о возможности кодирования – декодирования невербальных сигналов, к составлению каталогов кодов, "паттернов" невербального поведения, соответствующих тем или иным состояниям, отношениям личности. Процесс обучения декодированию превращается в заучивание различных комплексов движений и их значений. Данный подход не выдерживает критики прежде всего потому, что он мало учитывает разнообразные составляющие процесса общения и противоречит природе невербального поведения, его основным характеристикам.

В-третьих, наблюдается *"психологическая редукция"*, смысл которой в поиске исследователями только собственно психологического содержания интерпретации невербального поведения (эмоции, состояния) и в недостаточном внимании к нему самому как показателю социально-психологических свойств личности и всего процесса общения. В связи с этим ограничением у субъектов обучения формируются неполные представления об индикативных возможностях невербального поведения, а также не развиваются навыки многоуровневой интерпретации поведения личности и группы.

В-четвертых, вследствие первых трех ограничений, существует *"социально-перцептивная"* редукция, заявляющая о себе в сведении процесса интерпретации невербального поведения к установлению жестких связей между эмоциями и мимикой, эмоциями и позой и т.д.

В-пятых, основные характеристики *приписываются процессам интерпретации и понимания* на основании положений из работ, исследующих познавательную сферу личности в контексте предметной деятельности, без учета в полной мере особенностей функционирования познавательных процессов в области общения и межличностного познания [1, 4, 9, 23]. Известно, что в гуманитарных науках термин "интерпретация" определяется чаще всего как толкование, трактовка, и в этой связи само явление интерпретации наделяется субъективностью, пристрастностью, редукцией к личному опыту [6, 8, 21, 25]. Интерпретационная деятельность рассматривается как персонифицированный процесс, базирующийся на личностном знании, с ярко выраженным оценочным компонентом [8, 25]. В социальной психологии отмечается также включенность процесса интерпретации в межличностный контекст, опосредованность его той системой отношений, которая сложилась в диаде, группе [4, 10, 22]. Учитывая эти общие характеристики интерпретации, одной из первых задач обучения кодированию – интерпретации является задача актуализации личностного знания, тех смысловых связей, которые сложились у субъектов интерпретации невербального поведения.

Такие особенности интерпретации, как пристрастность и зависимость ее содержания

от компонентов общения и совместной деятельности, порождают массу дискуссий, предметом которых является вопрос о правомерности использования в связи с феноменом интерпретации таких характеристик, как точность, адекватность и т.д. На наш взгляд, в связи с проблемой интерпретации невербального поведения данный вопрос может быть снят, если ориентироваться на то, что в реальном общении, практическом взаимодействии объектом интерпретации становятся различные проявления личности, и с этой точки зрения она является в психологическом плане многоуровневой и многозначной, постоянно изменяющейся и развивающейся как и само поведение, сопряженное с ее развитием. Вместе с этим в результате интерпретационной деятельности у субъектов общения формируются интерпретационные гипотезы, установки, матрицы, схемы [29], которые выступают в роли "акцептора действия", а сама интерпретация становится все более осознанным актом, приобретающим черты образа-представления с разной степенью дифференцированности, обобщенности, устойчивости [2, 23]. Актуализация этих представлений, интерпретационных схем, направляет процесс интерпретации и оказывает влияние на его точность и адекватность, на уровень понимания – непонимания невербального поведения.

Из выполненной нами работы следует, что у субъектов общения в процессе их жизнедеятельности формируются интерпретационные схемы, различающиеся по содержанию, структуре, уровню анализа; что они задают несколько направлений интерпретации невербального поведения и влияют на адекватность его понимания [18].

Следует ли, исходя из тех ограничений, трудностей, которые обнаружены в результате изучения проблемы кодирования – интерпретации невербального поведения, отказаться от использования в практической работе тех невербальных кодов, которые приведены в различных пособиях по "языку тела"? На наш взгляд, положительный ответ на поставленный вопрос правомерен, когда процесс кодирования рассматривается так, как это принято в лингвистике, математике, где обращается внимание на целенаправленность, осознанность операций, точность, адекватность единиц фиксации, обеспечивающих создание кода, его соответствие определенным психологическим явлениям. Ответ на поставленный вопрос может быть и отрицательным, если относиться к невербальному поведению как к личностно-динамическому образованию. В рамках данного подхода к проблеме кодирования многие противоречия, выявленные в процессе исследования невербальных кодов, превращаются в их характерные особенности, среди которых психологическая и социально-психологическая многозначность и подвижность совокупности движений, образующих невербальный код.

Психолог, самоопределяясь в отношении возможностей кодирования невербального поведения, должен признать уникальность невербального языка и неизбежность противоречий между невербальным выражением и его психологическим содержанием, изменчивость способов невербального выражения; зависимость успешности кодирования от умения человека адекватно выражать свои переживания и уровни сформированности навыков кодирования различных подструктур невербального поведения, от профессиональной установки на него как на специфическую знаковую систему, меняющую свои характеристики в соответствии с видом невербальной информации и не являющейся в прямом смысле кодом, неизбежно сопровождающимся интерпретационной деятельностью субъектов взаимодействия.

В такой трактовке невербального кода и его интерпретации многие изображения невербального поведения личности и невербальных интеракций, их описания, могут стать базой для обучения кодированию – интерпретации при условии отношения к ним, как к кодам-паттернам, психологическое значение которых изменяется в соответствии с изменением соотношения движений, их направленности, интенсивности выраженности, временной структуры и места в системе целостного невербального поведения личности.

В основе обучения кодированию – интерпретации невербального поведения должно лежать формирование взгляда на него как на важнейший источник информации о внутреннем мире личности, раскрывающий неосознаваемые, неконтролируемые его

стороны. В качестве необходимого этапа обучения выступает возникновение устойчивого когнитивно-эмоционального образования – доверия к невербальному поведению, как полифункциональной системе общения, дающей различную информацию о личности и группе. Не менее важной основой обучения является формирование отношения к интерпретации невербального поведения как к творческому процессу, включающему рациональные и иррациональные компоненты, формирование готовности к изменению сложившихся интерпретационных схем, если они затрудняют адекватное понимание невербального поведения.

Таким образом, в процессе практической деятельности психолог включает клиентов в весьма сложную ситуацию обучения, в которой имеются: подвижные и неустойчивые связи между невербальным поведением и его психологическими значениями; постоянно изменяющийся контекст общения; сложившиеся схемы, направляющие процесс интерпретации и влияющие на адекватность понимания, на эмоционально-оценочный компонент интерпретации невербального поведения. Поэтому обучение кодированию – интерпретации невербального поведения превращается в творческий мыслительный процесс, ориентированный на выявление и реконструкцию не всегда очевидных психологических и социально-психологических его значений, на установление всей иерархии связей между ним и социально-психологическими характеристиками личности и группы, на подбор адекватных способов фиксации, дополненных наблюдаемыми единицами движений, трудно вербализуемых, не имеющих графического или какого-либо другого способа выделения.

В целом, в процессе практической деятельности психологу необходимо относиться к кодированию – интерпретации невербального поведения как к сложной коммуникативной, социально-перцептивной задаче, успешное решение которой зависит от объективных характеристик невербального поведения как знака – индикатора и от ряда специальных способностей психолога-практика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А. Личностный аспект проблемы общения // Проблемы общения в психологии. М., 1980. С. 218–242.
2. Акишина А.А., Кано Х., Акишина Т.А. Жесты и мимика в русской речи. М., 1991.
3. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. В 2-х т. М., 1980.
4. Андреева Г.М. Атрибутивные процессы в условиях совместной деятельности // Общение и оптимизация совместной деятельности. М., 1987. С. 152–166.
5. Ациферова Л.И. Проблема психотонической активности и научное наследие Анри Валлона // Психол. журн. 1981. № 1. С. 154–159.
6. Бабушкин В.У. Об антропологической модели понимания // Вопросы философии. 1986. № 9. С. 57–59.
7. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
8. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.
9. Бобнева М.И. Специфика социально-психологических свойств и способностей личности // Социальная психология личности. М., 1979. С. 30–45.
10. Бодаев А.А. Личность и общение. М., 1983.
11. Волконский С. Человек на сцене. С.-П., 1912.
12. Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6-ти т. М., 1982. Т. 1.
13. Горелов Н.И. Невербальные коммуникации. М., 1980.
14. Изард К. Эмоции человека. М., 1980.
15. Ильин И.А. О связанности людей в добре и зле // Психол. журн. 1993. № 2. С. 131–135.
16. Колишанский Г.В. Паралингвистика. М., 1974.
17. Лабунская В.А. Невербальное поведение (социально-перцептивный подход). Ростов-на-Дону, 1986.
18. Лабунская В.А. Интерпретация и коррекция невербального поведения в общении // Эмоциональные и познавательные характеристики общения. Ростов-на-Дону. 1991. С. 74–108.

19. Лабунская В.А. Введение в психологию невербального поведения. Ростов-на-Дону. РГУ, 1994.
20. Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М., 1982.
21. Павленис Р.И. Понимание языковых и неязыковых текстов // История, логика и методология науки. Киев, 1986. С. 28–30.
22. Панферов В.Н., Степкин Ю.П. Социально-психологическая интерпретация личности по внешности // Экспериментальная и прикладная психология. Л., 1970. Вып. 2. С. 80–91.
23. Панферов В.Н. Восприятие и интерпретация внешности людей // Вопросы психологии. 1974. № 2. С. 59–64.
24. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Т. I–II. М., 1989.
25. Рябова Л.В. Интерпретация как феномен общения (методологические аспекты). Автореф. дис. канд. наук. Ростов-на-Дону. 1985.
26. Сорокин Ю.А. Вербальное и невербальное поведение с этнопсихологической точки зрения // Язык и культура. М., 1987.
27. Трусов В.П. Выражение эмоций на лице (по материалам работ П. Экмана) // Вопросы психологии. 1982. № 5. С. 144–147.
28. Фейгенберг Е.И., Асмолов А.Г. Некоторые аспекты исследования невербальной коммуникации: за порогом рациональности // Психол. журн. 1989. № 6. С. 58–65.
29. Фейгенберг Е.И., Асмолов А.Г. Культурно-историческая концепция и возможности использования невербальной коммуникации в восстановительном воспитании личности // Вопросы психологии. 1994. № 6. С. 74–79.
30. Чанышева З.З. Взаимодействие языковых и неязыковых факторов в процессе речевого общения. Уфа. 1984.
31. Archer D., Akert R.M. Probleme of context and criterion in nonverbal communications: a new look at the accuracy issue // Issues in person perception. Mothuen, London, New York, 1984. P. 114–144.
32. Argyle M. Nonverbal communication in human social interaction // Nonverbal communication. Cambridge, 1972. P. 243–268.
33. Ausdruckspsychologie // Handbuch der Psychologie in 12 Bander. Berlin, 1965.
34. Birdwhistell R. Kinesick and Context Essays on Body-Motion Communication. Harmonds Worth, 1973.
35. Buck R., Miller R., Savin V., Caul W. Communication of affect through facial expressions in humans // J. of personality and social psychology. 1972. V. 23. N 3. P. 362–371.
36. Bull P. Body movement and interpersonal communication. Chichester, 1984.
37. Harrison R. Past problems and future directions in nonverbal behavior research: the case of the face // Nonverbal behavior perspectives applications intercultural insights. Toronto, 1984. P. 317–331.
38. Ekman P. Facial expression // Nonverbal behavior and communication. New York, 1978. P. 97–115.
39. Ekman P. Methods for measuring facial action // Handbook of methods in nonverbal behavior. Cambridge, 1984. P. 45–90.
40. Ekman P., Scherer R. Methodological issues in studying nonverbal behavior // Handbook of methods in nonverbal behavior research. Cambridge, 1984. P. 1–44.
41. Koneya M. Unresolved theoretical issues in nonverbal communication // Semiotics. 1981. V. 37. N 1/2. P. 1–13.
42. Nonverbal communication today: current research. Berlin, New York, Amsterdam, 1982.
43. Palmer M., Simmons K. Communicating intentions through nonverbal behaviors. Conscious and nonconscious encoding of liking // Human Communication Research, 1995. V. 22. N 1. P. 128–160.
44. Poyatos F. New perspectives for an integrative research of nonverbal system // Nonverbal communication today current research. Berlin, New York, Amsterdam, 1982. P. 120–138.
45. Rosenfeld H. Measurement of body motion and orientation // Handbook of methods in nonverbal behavior research. Cambridge, 1982. P. 199–286.
46. Smith H. State of the art of nonverbal behavior in teaching // Nonverbal behavior perspectives applications intercultural insights. Toronto, 1984. P. 171–196.
47. Thompson D., Meltzer R. Communication of emotional intant by facial expressions // J. of abnormal and social psychology. 1964. V. 68. N 2. P. 129–135.
48. Wallbot H., Ricci-Bitti P. Decoders prossing of emotional facial expression – a top-down or bottom-up mechanism? // European. J. of Social Psychology. 1993. V. 23. P. 427–443.